

Она подхватила с земли железные клещи, оброненные одним из прихвостней:

— Зови еще одного. Они не местные, сейчас здесь остались только такие же мальчишки, как ты, они нам не соперники. Отсюда до Цинчэна недалеко, я знаю здешние тропы. Как только выберемся из этого двора, они нас не догонят.

Ван Цисы воодушевился и, потирая руки, отозвался:

— Хорошо.

Он во весь голос закричал, время от времени переходя на жалобные стоны, будто от боли.

Кто-то из людей во дворе услышал шум. Раздалась ругань, и двое парней направились к сараю.

Все шло не по плану.

Ван Сифэн похолодел, сердце, казалось, вот-вот выскочит из горла. Он теребил рукав и тревожно прошептал:

— Что же делать?

Линь Чаогэ вглядывалась в сумрак двора, где плясали отблески костра. Она крепче сжала клещи, прикрыв глаза, чтобы скрыть холодный блеск в зрачках, и процедила сквозь зубы:

— Двое — это даже лучше. Разберемся с ними сразу, чтобы не тратить время.

Она передала клещи Ван Сифэну и, стараясь успокоить, тихо проговорила:

— Брат Ван Цисы, из нас двоих они боятся тронуть только тебя. Если мы не выберемся, в худшем случае нас просто побьют. А если победим — сразу сможем вернуться домой.

Победителей не судят, а проигравших называют разбойниками. Кто ничем не рискует, тот ничего не получает.

Раз уж дошло до такого, зачем сидеть сложа руки и ждать, пока люди семьи Ван нас найдут? Лучше рискнуть и попытаться выжить.

Ван Сифэн замер, и вдруг его осенило. Верно! У противника остались лишь такие же мальчишки. Если удастся их одолеть — они сбегут. Если нет — их так и будут держать взаперти. Раз так, почему бы не рискнуть?

Он собрался с духом, кровь ударила в голову, он забыл о своих ранах, крепко перехватил клещи и ответил:

— Я понял.

— Я беру на себя того, что повыше. Ты ни на что не отвлекайся, бей второго прямо по лицу. Бей изо всех сил, и что бы ни случилось — не останавливайся.

— Хорошо.

Ван Сифэн отозвался, но тут же вспомнил, что громко говорить нельзя, и замолчал, сохранив серьезное выражение на побледневшем красивом лице.

Двое пришедших оказались осторожнее первого. Сначала они приоткрыли дверь, чтобы осмотреться, увидели лежащих на полу товарищей, недоуменно переглянулись и только тогда переступили порог.

Линь Чаогэ, притаившаяся за дверью, в темноте бесшумно скользнула вперед. Раздался глухой стук — она с размаху ударила высокого парня тяжелым влажным поленом по затылку.

Того повело, он схватился за голову и пошатнулся, но не упал. Его глаза налились кровью, он с недоверием уставился на мальчишку, который внезапно нанес удар.

Линь Чаогэ ни на секунду не замешкалась. Полено посыпалось на высокого градом ударов — туда, где больнее всего. Она не жалела сил, так что даже ее собственные руки начали неметь.

В то же время Ван Сифэн с клещами в руках с разбегу прыгнул на низкорослого, нанося удар за ударом прямо по лицу.

С глухим звуком высокий наконец рухнул на землю.

Линь Чаогэ переменяла направление удара, обрушив полено на того, кто боролся с Ван Сифэном.

Двое против одного, да еще и при том, что Линь Чаогэ обладала врожденной недюжинной силой, действовала точно и жестоко — низкорослый после пары попыток сопротивления тоже свалился.

У костра в главном доме последний из них, услышав шум в сарае, оскалится, схватит кухонный нож и бросится на подмогу.

Ван Сифэн, выплескивая накопившуюся ярость, не удержался и добавил еще несколько ударов по поверженным врагам. Затем он помог Линь Чаогэ связать их, отряхнул руки и с облегчением выдохнул:

— Все, уходим.

Девятнадцать. Спасение

Дверь сарая была приоткрыта, словно застенчивая девушка, прикрывающая лицо веером. С падением низкорослого Линь Чаогэ заметила движение снаружи.

Сверкнуло холодное лезвие. У Линь Чаогэ екнуло сердце, она дернула Ван Сифэна, который от радости победы готов был пуститься в пляс:

— Осторожно! У него нож, не подходи.

Она в два счета добежала до угла, быстро нашла две старые сломанные скамьи:

— Используй это как щит, ни в коем случае не подпускай его близко.

Юноша с ножом в мгновение ока ворвался в сарай, с диким оскалом размахивая тесаком.

Линь Чаогэ, прикрываясь скамьей, с длинной палкой в другой руке начала кружить вокруг него.

В этот момент она пожалела, что в Академии не училась фехтованию. Пусть это казалось лишь красивыми приемами, но хоть что-то было бы лучше, чем полное неумение.

К счастью, помогал Ван Сифэн. Он был худощав, но длинноног, к тому же кое-чему научился у наставника по боевым искусствам. А главное — он осмелел: то и дело делал резкие выпады, вынуждая противника отступать.

Работая в паре, они постепенно загнали парня в угол.

Им повезло: хотя у того и был нож, он запаниковал, отступая, не заметил лежащего на полу товарища, споткнулся и едва не упал, выронив тесак.

Линь Чаогэ тут же отбросила скамью и вскинула палку:

— Держи его! Не дай уйти!

Ван Сифэн теперь беспрекословно следовал ее указаниям. Не раздумывая, он бросил клещи, подхватил скамью и рванул вперед, зажав противника между стеной и мебелью. Наружу торчала только его голова, продолжавшая злобно проклинять их.

Парень потянулся, пытаясь достать оброненный нож. Ван Сифэн качнулся в сторону, уклоняясь, и тут же сверху обрушилась палка. Раздался хруст, словно лопнул переспелый арбуз, на стене осталась глубокая рана, из которой хлынула густая алая кровь. Брызги попали Ван Сифэну на щеку и одежду.

Ван Сифэн не хотел на это смотреть, но сейчас было не время для жалости.

Из горла парня вырвался пронзительный вопль. Ван Сифэн, не меняясь в лице, добавил еще несколько ударов, пока тот не обмяк, затихнув на полу.

Линь Чаогэ бросила палку и велела:

— Не отпускай его.

Ван Сифэн, все еще дрожа, закивал, как заведенный.

Линь Чаогэ нашла веревки, связала их всех и бросила на то же место, где они лежали раньше, переодевшись в их одежду — в надежде, что это даст им хоть немного времени.

Она подняла нож, клещи и палку, и они вышли из сарая.

Ван Сифэн огляделся: в комнате царил хаос, связанные мальчишки лежали на полу, их головы безвольно свесились на грудь — то ли живы, то ли мертвы.

Вспомнив, с каким безучастным лицом Линь Чаогэ только что орудовала палкой, он невольно вздрогнул.

Кто бы мог подумать, что этот парень, который обычно казался мягким и податливым, на деле такой крепкий орешек.

Ночь. Черная, густая.

Снаружи, у заброшенного храма, царила глубокая тьма. Луна была яркой, звезд мало, вокруг — мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая стрекотом насекомых. Было до жути тихо.

Ван Сифэн поежился от горной прохлады, прижался к Линь Чаогэ, в руке сжимая палку, и следовал за ней шаг в шаг.

Они двигались медленно: сказывались раны, да и голод, терзавший их целый день, отнимал последние силы. Скорость была черепашьей.

— Сюда.

Линь Чаогэ огляделась и подняла голову к небу. Одинокая Полярная звезда слабо мерцала, указывая путь заблудившимся.

Звезда Цзывэй известна как повелительница судеб. Древние исследователи называли ее Императорской звездой, считая, что рожденный под ее покровительством обладает судьбой правителя. Цзывэй — это и есть Полярная звезда, главная в созвездии Малой Медведицы.

Семь звезд Большого Ковша вращаются вокруг нее круглый год. Если представить небо как воронку, то Цзывэй — ее вершина, поэтому ее легко найти.

Старики говорят: в какой бы точке Северного полушария ты ни находился, если потерялся — найди Полярную звезду, и ты найдешь север.

Ориентируясь по звездам, она быстро поняла, что заброшенный храм находится на обратной стороне горы Цзычжу. Как она и предполагала, совсем недалеко от Академии Лоян.

А значит, и от Башни Желтого Журавля.

Они ступили в высокую траву, пробираясь вперед.

Ван Сифэн вдруг издал удивленный звук, дернул Линь Чаогэ за рукав и прошептал:

— Слышишь? Люди.

Он прислушался к звукам, доносящимся с ветром, и на его лице промелькнула улыбка человека, избежавшего смерти:

— Пришли! Это мои охранники, пришли нас спасать!

Издали доносился беспорядочный топот копыт, в лесной чаще замелькали слабые огоньки факелов.

Ван Сифэн выдохнул, потянул Линь Чаогэ за собой:

— Наконец-то пришли!

Линь Чаогэ нахмурилась и машинально придержала его:

— погоди. А если это те, кто искал сокровища, вернулись?

Она чувствовала, что все не может быть так просто. Почему они не пришли раньше или позже, а именно сейчас?

Ван Сифэн осекся, вытер пот со лба и остановился.

Они спрятались за густым кустарником, выглядывая наружу.

Вдалеке колыхались огни, отряд всадников приближался к храму, сметая все на своем пути, словно ураган.

Впереди ехал человек в черном, в широкополой шляпе, скрывавшей лицо. В руке он держал длинный клинок, который холодно отсвечивал в лунном свете. Вид у них был грозный.

Увидев серебристый блеск стали в свете факелов, Линь Чаогэ побледнела.

Лицо Ван Сифэна тоже стало бледнее. Его охватил первобытный ужас, губы задрожали, и он прошептал, наконец осознав:

— Они пришли убить меня. Это враги моего отца.

Голос его был едва слышен, каждое слово дрожало от невыразимого страха.

Линь Чаогэ поняла: он по-настоящему испугался.

Пока у него в запасе были знания о местах, где спрятаны сокровища, он чувствовал себя в безопасности и вел игру с похитителями, воспринимая это как приключение.

Но увидев людей в черном, он осознал реальную угрозу. Линь Чаогэ чувствовала, как его бьет дрожь.

В топоте копыт слышался лай собак. Они привели с собой ищеек.

— Бежим!

Ледяной ночной ветер пробирал до костей. Линь Чаогэ опомнилась и решительно потянула Ван Сифэна в самую чащу, не обращая внимания на слабость в ногах.

Позади раздались крики: люди в черном перебили всех мальчишек в храме, а чтобы не оставить следов, подожгли ветхое строение.

Предводитель не нашел их в храме и отдал приказ — остальные бросились в погоню.

Линь Чаогэ не оглядывалась. Она тащила обезумевшего от страха Ван Сифэна, продираясь сквозь самые густые заросли.

Время шло, силы были на исходе. Линь Чаогэ тяжело дышала, перед глазами плыло, грудь сдавило, ноги налились свинцом и отказывались идти. Колючие ветки кустарника царапали лицо и шею, оставляя десятки мелких ран, отчего ее прежде чистое лицо стало выглядеть еще более пугающе.

Лай собак приближался. В горах на лошадях не проехать, поэтому половина преследователей спешила и окружала их, а другая половина скакала по основной тропе, намереваясь взять их в клещи.

Линь Чаогэ на ходу лихорадочно соображала.

Она помнила, что неподалеку был ручей, ведущий к деревне у подножия. Если зайти в воду, можно на время сбить собак со следа. Двигаться по руслу лучше, чем метаться слепыми котятками.

Она была так сосредоточена, что не заметила, как ее руку оттолкнули. Она споткнулась, едва устояв на ногах.

— Линь Чаогэ, иди туда, не заботься обо мне! — Ван Сифэн оттолкнул ее, присел, обхватив живот, и прошептал едва слышно: — Давай поделимся, иначе мы оба погибнем.

Сейчас ему было не до шуток. В его голосе звучала печаль, он уже не был тем высокомерным

молодым господином Ван.

В душе Линь Чаогэ разлилась горечь. Он больше не мог тянуть Линь Яня за собой.

Линь Чаогэ нахмурилась, не слушая его, схватила за плечо и заставила встать:

— Мы идем вместе. Даже не думай бросать меня, больно же!

Ван Сифэн попытался вырваться, но сил у него было меньше. Он горько усмехнулся:

— После того странного напитка, что они дали мне днем, мои ноги почти не слушаются.

Он показал ей руки: пальцы были скрючены и побелели.

— В воде был какой-то паралитик, я не убегу. Линь Янь, послушай, спрячь меня где-нибудь, ты знаешь эти тропы, иди в Академию, приведи помощь. Хорошо?

— Ты сам сказал, они пришли убить тебя. Они не дадут тебе шанса сбежать. — Линь Чаогэ крепче сжала его руку, не давая упасть, и потащила вперед: — Или ты хочешь умереть?

Ван Сифэна душили слезы, он стоял на грани отчаяния:

— Они так же опасны, как мои охранники, я не выживу. Линь Чаогэ, ты же умная, не будь душой, только если бросишь меня, у тебя будет шанс выжить.

Линь Чаогэ будто не слышала. Она сжала зубы и, шаг за шагом, тащила упирающегося Ван Сифэна, не останавливаясь ни на миг.

— Линь Янь, ты слышишь? Отпусти меня, иначе мы оба сегодня здесь сгинем!

Раздался хлесткий звук — Линь Чаогэ отвесила ему пощечину. Его и без того опухшее лицо стало выглядеть еще страшнее.

Ван Сифэн от неожиданности пошатнулся и сел на землю. Он поднял голову и ошарашенно уставился на нее.

Преследователи были уже близко. Лай собак и крики сливались в один гул.

Линь Чаогэ, стоя спиной к темной чащобе, посмотрела на поверженного Ван Сифэна сверху вниз и отчеканила:

— Заткнись. Если не хочешь сдохнуть, хватит ныть, как девчонка, и отвлекать меня.

Слабый свет звезд падал на ее чистое лицо. За время бега на щеках появилось множество

кровавых полос, капли крови запеклись, ярко алея — они были прекраснее, чем цветы, распускающиеся на дороге к Желтому источнику.

<http://bllate.org/book/22224/2319221>